
КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

П.С. Гуревич

АДАМ СМИТ О РЕКЛАМЕ

Аннотация. Что порождает периодическую смену образцов культуры и массового поведения? Отчего мода захватывает разные стороны жизни человека? Как рождается стиль внутри моды? Эти вопросы освещаются в колонке. В ней речь идет об английском экономисте Адаме Смите, который пытался проанализировать рекламу как социальный и антропологический феномен. Он также связывал моду с техническим прогрессом.

Ключевые слова: психология, культурные процессы, мода, обычай, общество, элита, красота, одежда, воображение, искусство.

Мода в работах современных философов и психологов рассматривается как сложный феномен, в орбиту которого включены важнейшие социальные, научно-технические, экономические, культурные процессы в жизни людей¹. Многие исследователи определяют моду как господство в рамках определенной культуры тех или иных вкусов, связанных со стилем жизни, обычаями и привычками поведения. Огромное воздействие оказывают на моду ценностные и практические установки людей.

По мнению М.Н. Мерцаловой, мода в строгом значении начала складываться во Франции в эпоху позднего средневековья, когда в костюме стали появляться признаки, характерные для моды и составляющие ее сущность. Предпосылки для возникновения моды сложились объективно и отразили кардинальные изменения, произошедшие в политической, экономической и культурной жизни народов и государств конца XIII — начала XIV вв.

Мода может возникнуть только в обществе, где есть хотя бы минимальное излишество. В XVIII в. лишь немногие жилища имели ванную. Пищу готовили под деревенски, на дровах или древесном угле. Только в XIX в. появилось газовое освещение. Но вот цивилизация набирает обороты. В конце XIX в. улицы некоторых столиц заливают электрический свет. Технический прогресс создает определенные стили. Это сказывается на внутреннем устройстве жилища, его оформлении, на выборе предметов обихода.

«Мода отличается от обычая или, вернее, она представляет особенный род обычая», — напишет в 1776 г.

английский экономист Адам Смит². А. Смит в «Теории нравственных чувств» (1759) отмечал влияние моды не только на одежду и мебель, но и на нравственность, музыку, архитектуру, и подчеркивал особую роль в обществе элитарных слоев как объекта подражания для остального населения, что было связано с возрастанием роли буржуазии в современном ему обществе. Мода, по его мнению, захватывает не всех, а только людей, занимающих высшее положение в обществе. Легкость, изящество, обаяние, свойственное внешнему виду знатных людей, так же как богатство и великолепие их костюма, придают, так сказать, особенную прелесть любой форме их одежды. Пока формы эти употребляются ими, до тех пор они связываются в нашем воображении с представлением о чем-то прекрасном и чарующем. Но стоит моде уйти, как и сама одежда или иной предмет теряет очарование и прелесть.

Одежда и мебель во времена Смита уже находились под влиянием моды и обычая. Но мода простиралась и дальше — на предметы, зависящие от вкуса, то есть на музыку, на поэзию, на архитектуру. Менялась мода и внутри дома. Появилось новое явление — скоротечность моды. Самый лучший костюм носится не дольше того срока, пока он в моде. Мода на мебель меняется менее быстро, поскольку мебель представляет собой вещь более прочную и более ценную. Однако за пять или шесть лет происходит полный переворот во вкусах. Произведения искусств сохраняют себя на больший срок. Например, изящное здание может признаваться таковым много веков. Песня, сохраняемая преданием, может передаваться через несколько поколений. Великая поэма может жить столетия.

¹ См.: Бердник Т.О. Дизайн костюма. Ростов-на-Дону, 2000.

² Смит Адам. Теория нравственных чувств. М., 1997. С. 195.

Обычай и мода, считает А. Смит, оказывают сильное влияние на понятие прекрасного. Английский экономист пытается понять, отчего складывается диктат моды. Есть, например, возможность указать на разумное основание, почему дорическая капитель должна лежать на колонне в восемь поперечников вышиной, почему ионический завиток должен венчать колонну в девять поперечников, а коринфский лиственный венец — колонну в десять поперечников? Установление подобных правил может быть объяснено только привычкой и обычаем. Так как глаза привыкли к определенным размерам, связанным с подобным украшением, то они были бы поражены отсутствием этой связи.

Каждому архитектурному ордеру принадлежат свойственные ему украшения, перемещение которых не может не произвести дурного впечатления на человека, знакомого с правилами этого искусства. Некоторые архитекторы уверяют даже, что изящный вкус древних до такой степени верно выбрал украшения, свойственные каждому ордеру, что лучших и выбрать невозможно. Но если обычай установил какие-либо особенные правила для сооружений и если правила эти не безусловно плохи, то нет никакой причины заменять их другими, столь же хорошими и даже более изящными и приятными. «Человек показался бы смешным, если бы появился в обществе в костюме, который никто не носит, хотя этот костюм и был бы более удобен и приятен, чем тот, что освящен обычаем и модой. Таким же точно образом нам кажется неприличным отделять наши квартиры иначе, чем это всеми принято, даже если бы новые украшения и заслуживали предпочтения»³.

А. Смит отмечает, что в последние пятьдесят лет музыка и архитектура испытали в Италии значительные изменения вследствие подражания оригинальным образцам некоторых великих художников. Квантилиан упрекал Сенеку в том, что тот испортил вкус римлян и осквернил суетными украшениями строгую мысль и мужественное красноречие. Саллюстия и Тациту делались такие же упреки, только в другом роде: говорилось, что они ввели в употребление слог, который, несмотря на свою удивительную сжатость, изящество, выразительность и даже поэтичность, был лишен простоты и естественности и давал знать о тяжелой работе, затраченной на его отделку.

Одного писателя восхваляют за то, что он сделал более утонченным вкус своего народа. А другого, допустим, Свифта порицают за то, что он испортил вкус своего народа. Изящество Батлера уступило место простоте Свифта. Неукротимый пыл Драйдена и нередко

утомительная и лишенная изящества правильность Аддисона в настоящее время, как отмечает А. Смит, не служит образцами, между тем как постоянно стараются подражать силе и точности Поупа.

Обычай и мода оказывают влияние не только на произведения искусства. Они обуславливают и суждения о красоте. Какие разнообразные и противоположные формы принимаются за красоту в различных видах живых существ! Размеры, которые мы ищем в одном животном, противоположны размерам, которые нравятся нам в другом. Каждый вид животных в природе имеет свое устройство и особенную красоту, совершенно непохожие на устройство и красоту других видов.

Французский религиозный философ и филолог Клод Бюфье установил, что красота каждого предмета вообще состоит в форме и в цвете, свойственных тому классу предметов, к которому он принадлежит. Поэтому красота каждой черты человека состоит в среднем удалении от неприятных черт, поражающих нас в наших ближних. Красивый нос, например, не должен быть ни слишком длинен, ни слишком короток, ни слишком широк, ни слишком узок: он должен равно отстоять от этих крайностей и отличаться от каждой из них менее, чем они отличаются друг от друга.

По мнению А. Смита, красота — относительное понятие. Самое точное и изысканное знание человеческой красоты совершенно бесполезно, чтобы судить о цветах, о лошадях или любом другом виде предметов. По той же причине в различных климатах, в которых разнообразие обычаев видоизменяет различным образом общие человеческие черты, понятия о красоте оказываются весьма различны. Красота мавританской лошади не похожа на красоту, ценимую в английской лошади. «Как непохожи понятия о красоте лица и тела человеческого у различных народов! Белый цвет кожи считается в Гвинее уродством, а толстые губы и приплюснутый нос принимаются за красоту; у некоторых народов уши, висящие до плеч, вызывают восхищение. В Китае на женщину смотрят как на уродца, если она обладает настолько большой ногой, что может ходить удобно. Некоторые американские дикари сжимают головы своих детей четырьмя дощечками, давят на еще нежные и гибкие кости, чтобы придать голове совсем квадратную форму. Европейцы удивляются подобным варварским обычаям, которыми некоторые миссионеры объясняют особенную неразвитость народов»⁴.

И все-таки, вероятно, существуют какие-то общие критерии красоты. Гладкая поверхность нравится нам больше, чем шероховатая, и разнообразие больше, чем

³ Там же. С. 196.

⁴ Там же. С. 198-199.

однообразии. Однако обычай и мода оказывают такое сильное влияние на наши понятия о прекрасном, что трудно предположить, чтобы нравственные чувства находились в полной зависимости от них. По мнению А. Смита, ни обычай, ни мода не в состоянии оправдать такие черты и такое поведение, как у Нерона или Клавдия. Первый всегда будет вызывать к себе ужас и отвращение, а второй — презрение и насмешку. Создаваемые воображением представления, от которых зависит чувство прекрасного, весьма тонки и нежны. Они легко видоизменяются привычкой и воспитанием. Между тем, как считает английский экономист, нравственное чувство, служащее источником уважения и порицания, покоится на самых сильных страстях человеческой природы: их можно исказить, но нельзя полностью извратить.

Всегда ли мода соотносится с представлением о нравственности? Здесь А. Смит находится в состоянии известного обольщения. мода доходит иногда до того, что дает выход некоторым порокам и поднимает на смех некоторые добродетели. В царствование Карла II на распутство и бесчестие смотрели как на признак прекрасного воспитания. По понятиям того времени, эти пороки считались неразрывно связанными со щедростью, прямодушием, великодушием, честностью, и на них смотрели как на ручательство, что преданный им человек отличается порядочностью и далек от смешного пуританства. Строгие нравы, порядочное поведение презирались и влекли за собой подозрение в лицемерии и подлости. Поверхностные умы восхищаются пороками знатных людей. Пороки эти тесно связываются такими умами с блеском богатства и даже со многими высокими добродетелями, которые они любят приписывать выше них поставленным людям, например, с любовью к независимости и к свободе, с прямодушием, щедростью, человеколюбием, вежливостью.

Добродетели обыкновенных людей — бережливость, трезвость, трудолюбие, уважение к закону, напротив, представляются им чем-то пошлым и неприятным: они связывают их в своем воображении с жалкими условиями, в которых чаще проявляются эти добродетели, и со многими пороками, такими, как злость, ложь, плутовство, которые вызываются, по их мнению, этими условиями. Различные эпохи и различные страны тоже оказывают влияние на нравы людей и видоизменяют их мнения о хороших или дурных

свойствах того или иного душевного качества, смотря по обычаю, существующему в этом отношении в их стране в данную эпоху. Там степень вежливости, которая так высоко ценится в Англии, может была бы принята за низкопоклонство в России или за грубость во Франции. Таким же образом та степень бережливости и умеренности, которая была бы принята за чрезмерную скупость польским дворянством, может приниматься за крайнюю расточительность гражданами Амстердама. В каждую эпоху и в каждой стране поведение более всего уважаемых людей принимается за мерило, с которым сравнивают вообще все добродетели и нравственные качества. У образованных народов добродетели, основанные на человеколюбии, находятся в большем почете, нежели добродетели, основанные на умеренности и самообладании. У грубых и варварских народов, напротив, добродетели, основанные на господстве над своими страстями, пользуются большим уважением, нежели добродетели, зависящие от человеколюбия.

Благосостояние и безопасность, господствующие в эпохи цивилизованности и культурности, представляют мало случаев для воспитания презрения к опасностям и терпимости к тяжелому труду, голоду и страданиям. В таких условиях легко бывает избежать бедности, а презрение к богатству даже перестает считаться добродетелью. Воздержание от удовольствий становится менее необходимым, а человеколюбию открывается большая свобода для развития и для удовлетворения различных его проявлений.

Совсем иной образ жизни у диких и варварских народов. Говорят, отмечает А. Смит, что североамериканские дикари при любых обстоятельствах сохраняют невозмутимое хладнокровие и считают малодушием обнаружить хоть на минуту, что они побеждены любовью, горем или негодованием. Они удивляют европейцев своим мужеством и самообладанием. Можно было бы подумать, что в этой стране, где все люди равны по званию и богатству, браки совершаются без всяких затруднений и что они заключаются не иначе как по взаимному соглашению. А между тем все они без исключения устраиваются через посредство родителей: молодой человек считал бы себя обесславленным, если бы выказал хоть какое-нибудь предпочтение одной женщине перед другой и если бы не выказал совершенного равнодушия как к невесте, так и к сроку заключения брака.